

Марина СЕМЕНОВА. Жизнь в искусстве

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

1927 — дебют в партии Авроры. «В балете «Спящая красавица» Аврора Семеновой покорила юностью, кокетством, непосредственностью, изяществом манер. Обладая удивительным чувством стиля, Семенова умела все это ощутить и передать».

Татьяна ВЕЧЕСЛОВА.

«Аврора Семеновой была горделивая властительница, не принцесса и даже не королева, но — языческая богиня, принимающая всеобщее поклонение как должное, без смущения, робости или кокетства... только она могла так решительно не отдавать предпочтения ни одному из кавалеров — не потому даже, что была именно равнодушна к ним, а потому, что ни один смертный не мог стать вровень с ней. Она сдержанно демонстрировала перед принцами свое совершенство, оставляя им навеки свой образ, но щадя их слабое человеческое зрение. Эта Аврора словно сама вершила собственную судьбу — погружала в сон себя и все королевство, а затем выбирала принца, перед которым предстала... все той же богиней, полной жизненной силы, и нельзя было перед ней устоять».

Марина КОНСТАНТИНОВА.

С **1929-го** неоднократно гастролировала по стране, объездила с концертами и спектаклями почти весь Советский Союз.

«Прекрасная песня без слов — хочется сказать о танцах Семеновой, гармоничных, воодушевленных, нераздельно сливающихся танцевальный драматический образ с музыкой».

«Красный Крым», 1937, 12 июля.

«Спектакли Свердловского балета с участием заслуженной артистки орденоносца Марины Семеновой явились для ростовского зрителя большим праздничным событием. 3 июля с ее участием был представлен балет «Лебединое озеро» П. Чайковского».

«Большевистская смена», 1939, 12 июля.

«Вчера и позавчера состоялись концерты приглашенной в Днепропетровскую областную филармонию лауреата Сталинской премии, заслуженной артистки республики М. Семеновой — выдающегося мастера советской хореографии. Со свойственным ей блеском и виртуозностью Марина Семенова исполнила ряд танцев из балетов «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и др.».

«Днепропетровская правда», 1945, 25 июля.

Аврора.

С **1 июля 1930** — солистка Большого театра.

5 сентября 1930 — первое выступление на сцене Большого театра, балет «Баядерка» (Никия).

«Танец Марины Семеновой, отвлеченный «чистый танец» — движения, позы, изменения в сочетаниях линий и сами линии ее танца — обладали огромным зарядом эмоционального воздействия на зрителя. То или иное отвлеченное па в ее танце, безукоризненно выполненное технически и совершенное по красоте, становилось выразительным само по себе. Движения ее отражали энергию, стремительность и внутреннюю силу танца. В этом смысле Мари-

на Семенова была феноменальна, не побоюсь ошибиться, сказав, что в «чистом танце», в танцевальном «академизме» — то есть в том, что балерина получила в Ленинграде и чем поразила всех нас, — она так и осталась балериной непревзойденной и по сей день...»

Юрий ФАЙЕР.

«Идет балет «Лебединое озеро», адажио второго действия. Огромный, великолепный зал, до отказа, как говорится, набитый зрителями. Играет одна скрипка — с легким, почти воздушным сопровождением нескольких струнных, и танцует одна балерина — кордебалет вместе с декорацией просто почти неподвижный фон. Только — балерина и скрипка. И не слышно дыхания тысячи восьмисот человек, и проносится веяние тех секунд — трех-четырех-пяти, — которое и составляет самое зерно театрального восприятия, секунды того вдохновения, какое, кажется, нельзя приобрести никакими усилиями и никакими техническими секундами того охвата, ради которого и существует это роскошное здание, и директор, и художник, и осветители, — словом, три тысячи человек... работали над этим спектаклем, а в конце концов самое глубочайшее волнение получено от одной танцовщицы и одного скрипача, исполнявшего музыку, созданную Чайковским. ...Но завтра этот же танец будет проводить другая балерина, обладающая не меньшей силой техники, и будет так же виртуозно играть скрипка ту же музыку Чайковского. А те секунды, которые были вчера, все же не создадутся...»

Владимир НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

1933 — дебют в партии Дианы Мирель.

«Ее танцы в духе рококо делали ее похожей на ожившую картину Ватто или Ланкре и позы ее богини свободы из праздника, поставленного знаменитым Давидом, превращали ее в чеканную эмблему Великой французской революции. В эти минуты она казалась фигурой медалей, барельефов и каменей».

Николай ВОЛКОВ.

1934 — первое выступление в партии Эсмеральды.

«Неуемной радостью, свободой дышит ее легкий танец и весело звучит в такт ему тамбурин, и кажется, что поет все ее существо. В ее танце, стремительном и кокетливом, слегка обремененном испанским колоритом, мы видим плясунью парижских площадей...»

Ирина СЕРПИКА.

«Большевистское знамя».

1935—1936 — гастроль в парижской Гранд Опера.

«Чрезвычайно легкая, подвижная, ее не стесняют никакие трудности, и вот почему уверенная в своей виртуозной технике, она может подчинить ее своей воле, чтобы передать тончайшие движения своей бурной души... Ее взволнованные па послушно подчиняются увлекающей их страсти... Ее танец словно назлектризован, в нем слышится треск невидимых искр, которые содрагают пространство и ослепляют сознание своим ярким светом».

«Ревю де де мوند», 1936.

«Серж Лифарь, великолепный балетмейстер нашей национальной академии танца, говорил всем и каждому, какое восхищение вызывает в нем мастерство его соотечественницы...»

— Вы увидите, — говорил он, — вы увидите, она изумительна. Она в совершенстве постигла все тайны своего искусства. А ее невероятный темперамент, пылкая выразительность достигают наивысших эмоциональных открытий!..»

«Ревю», 1935.

1941—1943 — гастроль в Тбилиском театре оперы и балета имени Палиашвили.

«На днях я посмотрел... балет «Лебединое озеро» — танцевала Марина Семенова. Театральный зал гремел, кричал, неистовствовал — так возвышенно прекрасно, так совершенно было русское искусство».

Чайковский и Семенова создали в этот вечер национальный праздник торжества красоты...»

Алексей ТОЛСТОЙ.

«Литература и искусство», 1943, 16 октября.

1946 — дебют в партии Лизы в балете «Барышня-крестьянка».

«Она глубоко поняла прямое высказывание Пушкина: «Что за прелесть эти уездные барышни». «Особенность характера, самобытность», — подчеркивает Пушкин. Эту индивидуальность уездной барышни прекрасно передает Семенова во всей роли. Ее борьба с англичанкой за свое, русское, нежная любовь к отцу, комнатная тоска и вся выдумка с переосмыслением — все это доходчиво и талантливо передано Семеновым».

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ.

1947 — дебют в партии Золушки. «Какой полный, какой многозначительный контраст между Золушкой и ее сестрами, между Золушкой и «большим светом». Это было празднество красоты среди шумного бала выскочек, вульгарных мещан, от красоты отлученных. Это был праздник театра. Очевидцы рассказывают, как был потрясен Прокофьев».

Мирандолина.

Сентиментальный балет о послушной простодушнице стал балетом о великой человеческой мечте. Когда в звездном вальсе Семенова неслась из глубины к рампе непостижимо огромными прыжками, душераздирающими, наполнявшими душу ликованием, — казалось, она рвется не на бал, не во второй акт спектакля. Казалось, она рвется в иное искусство. Вся неустойчивость артистического стремления к сцене, к театру, к большой и достойной роли, вся неустойчивость человеческого стремления к свободе, к счастью, к любви выразились в этом порыве».

Вадим ГАЕВСКИЙ.

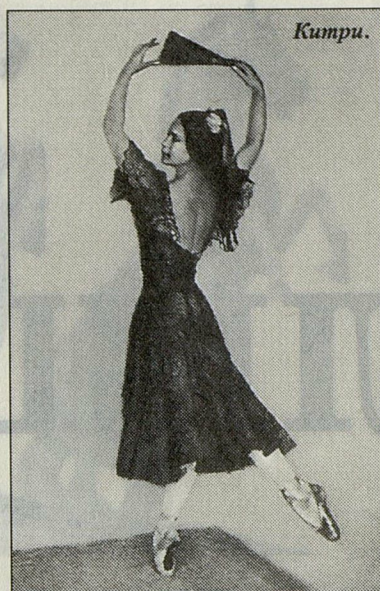
1949 — первое выступление в партии Царицы бала в балете «Медный всадник».

«В «Медном всаднике» Семенова танцевала Царицу бала... Сочиняя эту танцевальную партию, я невольно представлял себе Семенову. И действительно, в ее исполнении это была русская красавица, танцующая привезенные царем Петром I иноземные танцы в русской манере, с русской душой».

Ростислав ЗАХАРОВ.

29 июня 1952 — последнее выступление на сцене Большого театра — Вальс в опере «Иван Сусанин».

«Легким бесшумным шагом, с легкой сияющей улыбкой, в легкой полупрозрачной бальной тюнике Семенова появлялась из толпы торжественных статистов, облаченных в тяжелые исторические костюмы. Не с первого мгновения — оно было озадачивающим, — но уже со второго Семенова перенесла нас в сияющий мир, «волшебный край», далекий от воинственности, далекий от вавилонки. Что это был за танец? Почти без фигур, почти без туров, почти без игры, вальс-эскиз, вальс-набросок, в котором полунамеком проходили ритмические очертания и эмоциональные всплески вальсовой стихии, очертания и всплески вальса-

Кипри.

фантазии, вальса-мefисто, вальса-каприза».

Вадим ГАЕВСКИЙ.

С **1953** — педагог-репетитор Большого театра.

«Никакой архаики, никаких отработанных приемов, все словно рождается прямо у тебя на глазах, в зале, на репетиции. Марина Тимофеевна работает горячо, одержимо, ищет, находит, отбрасывает, снова ищет. А работать с ней трудно. Она одаривает так щедро, предлагает так много, что ты начинаешь тонуть в этой лавине. Успеть схватить, осмыслить, прочувствовать, запомнить... После репетиции ты «труп», весь выпотрошен измотан, не можешь шевельнуть рукой. А она довольна: хорошо поработали! Трудно и потому, что велико воздействие ее личности... Семенова никогда не делает из себя Семенову. Превзойти ее нельзя, можно повторить, но кому нужны копии? Только не Семеновым! Она изучает танцовщицу, как музыкант изучает свой инструмент перед тем, как играть, изучает его душу, чтобы заставить ее петь. И чем драгоценнее «инструмент», тем лучше звучит он «под пальцами» Семеновым».

Людмила СЕМЕНЯКА.

1954—1960 — педагог Московского хореографического училища.

С **1960** — педагог балетмейстерского отделения ГИТИСа. С **1997** — профессор.

1975 — народная артистка СССР. «Сила воздействия на зрителя у балерины Семеновой была непомерна. Кто смотрел на ее танец, не оставался равнодушным. Ручеек превратился со временем в бурнокипящий, стремительно несущийся поток, который уже не только потрясал вас мощью, но и восхищал разумным умением, с каким он этой мощью распорядился. В танце Семеновой никогда не напоминал о себе предшествовавший ему длительный, изнуряющий процесс подготовки. Смелость, с какой она, не задумываясь, одолевала технические трудности, ошеломляла... Танец Семеновой был музыкален, пластичен, масштабно широк по дыханию и неопишуемо красив скульптурностью своих поз».

Михаил МИХАЙЛОВ.

1988 — Герой Социалистического Труда.

«Талант Семеновой был блистательным, емким и новым по качествам. В ее лице советский театр приобрел балерину лирико-героического плана, на редкость «русскую» балерину, обладавшую выучкой новейшей русской школы танца, которая сложилась в XX веке. Превосходная фигура, исключительно выразительные руки, удлинённые ноги с продолжным строением мышц, чуть округлых в икрах, благородная посадка головы и плеч, царственность поз и движений. Семеновым было доступно абсолютно все — народные танцы, характерные, эксцентрические, классические, притом высочайшей виртуозности. Она с равным успехом исполняла партерные и воздушные па, вращательные и полетные. Русская широта и удал жили в ее походке и повадке, в ее жестах и па. Такого склада балерины я больше не видел».

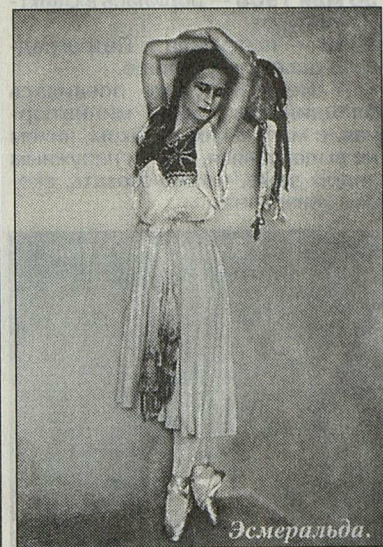
Федор ЛОПУХОВ.

29. 29 мая 1998 г. № 15
Мы знакомы 68 лет

Александр ЦАРМАН

Рассказывая о гениальной балерине Марине Семеновой, в равной степени принадлежавшей Москве и Ленинграду, нельзя не сказать несколько слов о двух направлениях русской балетной школы. В начале века петербургский балет, отмеченный близостью императорского двора, был придворным, парадным, отличался выдающейся техникой. В более демократичной Москве силы были поскромнее, но уже тогда московская школа славилась своим артистизмом. Марина Семенова, сформированная вагановской школой и сделавшая первые профессиональные шаги на ленинградской сцене, ярко реализовала свой уникальный талант в спектаклях Большого театра.

В 1926 году я закончил балетную школу и, став артистом Большого театра, тут же получил пер-

Эсмеральда.

вую сольную партию — дублировал Асафа Мессерера в танце с лентой в «Красном маке». В 1930 году произошло невероятное событие — на сцене Большого театра в спектакле «Баядерка» выступила приехавшая из Ленинграда молодая Марина Семенова. Я имел счастье смотреть балет из зрительного зала. Уже тогда было ясно, что перед нами совершенно уникальная танцовщица, я бы назвал ее королевой всех балерин. Ей было подвластно все — виртуозная техника, тонкая лирика, национальный колорит характерных танцев, — диапазон был необычайно широк. Как сейчас помню ее потрясающий танец со змеей в «Баядерке». Марина, радостная, влюбленная, со светящимися глазами, исполняет танец с кувшинами, а на груди ее приколот букет, подаренный соперницей. В самый кульминационный момент ее кусает змея, спрятанная в букете, и героиня погибает. Сцена смерти была сыграна с силой, подвластной великой драматической актрисе. Специально для Марины Семеновой был восстановлен акт «Тени», который в Большом театре в те годы не шел из-за своего «упаднического» содержания. Марина выступила царицей этого акта. В знаменитом сложнейшем па де де (Солора танцевал В. Смольцов) она была величественна и строга. Здесь балерина дала волю технике, исполняя невероятные вращения, туры, пируэты, — нам в Москве такое и не снилось. Каждое ее движение публика встречала аплодисментами, кульминацией стала знаменитая семеновская кода. Невозможно было поверить, что человек способен владеть своим телом с таким совершенством. Она исполняла коду вниз по диагонали в таком бешеном темпе, что оркестр и дирижер Ю. Файер за ней просто не успевали. Тогда-то я впервые увидел, как зрители в порыве восторга встали и стоя продолжали рукоплескать Семеновым. Публика не могла успокоиться, наверное, не меньше пол часа. Балерину вызывали без конца, а когда занавес закрылся, осыпали цветами еще и за кулисами и она ходила по ковру из живых цветов. Это был настоящий праздник танца.

(Окончание на 4-й стр.)

Мы знакомы 68 лет

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

После спектакля у служебного подъезда Марину Семенову ожидала тысячная толпа людей, которые хотели нести ее до машины на руках... С этой триумфальной «Баядерки» начался московский период жизни и творчества великой Семеновой...

В те годы нас с Мариной связывала большая личная и творческая дружба. Все партии, которые она сделала в Москве, создавались у меня на глазах, а их было великое множество, они сыпались на нее, как спелые плоды, одна за другой — от Одетты-Одиллии до Китри. Однажды мне довелось танцевать с ней «Лебединое озеро». Ситуация сложилась драматичная —

она неожиданно подвернула ногу, и пришлось срочно перекраивать последний акт. Но держалась она как королева.

Не могу не вспомнить ее Эсмеральду. К сожалению, этот спектакль мы танцевали всего несколько раз. (Я исполнял роль поэта Пьера Гренгуара, утешителя и друга Эсмеральды.) «Эсмеральда» требовала не только исполнения сложной танцевальной партитуры, но и тонкой драматической игры. Драматическую сторону партий с нами отрабатывал артист МХАТа Н. А. Подгорный. И в этой партии она была необыкновенна — в первых сценах юная, беззаботная, легкомысленная, затем как-то сразу повзрослевшая, с израненной душой, пережившей трагедию...

Мы с Мариной Семеновой ровесники и знакомы десятки лет. Мы были партнерами и долгие годы работали вместе в Большом театре. И тем не менее я всю жизнь обращался к ней на «вы», и лишь год назад впервые сказал ей «ты»... Марина — необыкновенный человек, выдающаяся балерина и выдающийся педагог. Ее актерское мастерство так же уникально, как и балеринский дар. У нее замечательная семья — дочь, внуки, правнук. Ее жизнь прекрасна — она любит Большой театр, куда по-прежнему приходит каждый день. А мы, артисты балета, помоложе и постарше, по-прежнему влюблены в Марину Тимофеевну Семенову и восхищаемся этой удивительной женщиной. Семенова — одна и не сравнима ни с кем.

Старый друг и партнер.